

Визуализация советского детства в рисунках Евгении Двоскиной

Жанна В. Уманская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zh.umanskaya@mail.ru*

Аннотация. Автор исследует способы визуализации повседневности советского детства брежневского периода в серии рисунков «#длятехктопомнит» Евгении Двоскиной. Сравнивая работу художника с другими современными визуальными ностальгическими проектами, обосновывается значимость выбранного источника: иллюстрации серии позволяют дать представления о визуальной среде советского ребенка, типичном облике детской территории, детских зонах публичного и частного в коллективной памяти поколения. Опираясь на методологию визуальной социологии (П. Штомпка, О.В. Гавришина), автор анализирует причины восприятия зрителями старшего поколения рисунков серии как однозначно «советских» и ставит вопрос о маркерах «советского детства». Универсальность и наследуемость многих детских практик делает их вневременными, поэтому историческую эпоху прежде всего выдает стиль бытового мира и объекты, являющиеся символами советской идеологии. Немаловажную роль для восприятия зрителя играют композиционные и графические решения изображений. Знание натуры и художественное мастерство позволяют художнику давать точные поведенческие характеристики своим героям и задействовать, помимо визуальной, почти все виды сенсорной памяти (тактильной, моторной, аудиальной). Для указанного эффекта принципиально важным оказывается использование в рисунках текстового сопровождения, часто имеющего вид речевых формул. Если рассматривать серию в логике рассуждений о ностальгии С. Бойм, рисунки о советском детстве могут быть отнесены к процессуальному типу

© Уманская Ж.В., 2020

Статья основана на докладе «Визуальное пространство советского детства в контексте коммуникативной памяти поколения (на примере рисунков Евгении Двоскиной)», сделанном на Всероссийской научной конференции «Современные методы изучения культуры – XII» (РГГУ, Москва, 17–18 апреля 2020 г.).

ностальгии, которая характеризуется иронией и противоречивым отношением к прошлому. Работа Евгении Двоскиной дает сложную многогранную визуализацию повседневности советского детства 60–80-х годов XX века.

Ключевые слова: Евгения Двоскина, визуализация, коллективная память, ностальгия, культура советского детства, визуальное пространство

Для цитирования: Уманская Ж.В. Визуализация советского детства в рисунках Евгении Двоскиной // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 8. С. 96–115. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-96-115

Visualization of Soviet childhood in drawings by Eugeniya Dvoskina

Zhanna V. Umanskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

zh.umanskaya@mail.ru

Abstract. The author explores ways to visualize the everyday life of the Brezhnev period's soviet childhood in a Eugeniya Dvoskina's drawings cycle «#forthosewhoremember». Comparing the artist's work with other modern visual nostalgic projects, the significance of the selected source is justified: this cycle allows us to give an idea of the visual environment of the child, typical kinds of the children's territory, public and private areas in the collective memory of the generation. Based on the methodology of visual sociology (P. Shtompka, O.V. Gavrishina), the author analyzes the reasons for the cycle's perception of the older generation as uniquely "Soviet" and raises the question about markers of "Soviet childhood". The universality and heritability of many children's practices makes them timeless, so the design of the material world and symbols of Soviet ideology are main signs of the historical era. Compositional and graphic solutions of images play an important role for the viewer's perception. Knowledge of nature and artistic skill allows the artist to create heroes with accurate behavioral characteristics and evokes, in addition to visual, almost all types of sensory memory (tactile, motor, audio). The use of accompaniment text, often in the form of speech formulas, is crucial for this effect. If we consider this cycle in the logic of S."Boym's reasoning about nostalgia, drawings about soviet childhood can be attributed to the procedural type of nostalgia, which is characterized by irony and contradictory attitude to the past. Eugeniya Dvoskina's work provides a complex multi-faceted visualization of the everyday life of Soviet childhood in the 60–80s of the XX century.

Keywords: Eugeniya Dvoskina, visualization, collective memory, nostalgia, culture of Soviet childhood, visual space

For citation: Umanskaya, Zh.V. (2020), "Visualization of Soviet childhood in drawings by Eugeniya Dvoskina", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 96–115, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-96-115

Российская современность осмысляет свое ближайшее советское прошлое, ищет слова и образы, позволяющие описать время, еще живущее в памяти, для которого поэтому единый язык еще не выработан, консенсус не достигнут. Тем интереснее наблюдать за тем, каким представляют советское прошлое различные авторы в академических сочинениях и в творческих проектах, как на эти построения реагируют читатели и зрители. Особенно важны ситуации совпадения, когда говорящий и слушающий, изображающий и смотрящий ощущают единство воспоминаний, отношений и оценок, так как единоклассник может говорить о формировании набора (канона) обязательных тем и о накоплении корпуса объясняющих концепций. Одновременно включается эффект власти дискурса, когда оказавшиеся общими символы, понятия, идеи начинают определять последующие высказывания, задавая дальнейшую исследовательскую логику и навязывая обязательные элементы в художественных произведениях. И даже проекты, выглядящие как не ангажированные, могут быть пронизаны накопленными за 30 лет регуляторами и маркерами мнения социума. Для работы коллективной памяти значимы возможности наглядного представления определенных сторон повседневности, способы конструирования семантически нагруженного и узнаваемого (убедительного) облика среды существования. Статья посвящена анализу средств визуализации мира советского детства брежневского периода в рисунках Евгении Двоскиной в контексте символов и практик, нормирующих коллективную память поколения. Работа Двоскиной в каком-то смысле является иллюстрацией высказывания Яна Ассмана о посредничестве искусства между приватными воспоминаниями и социальной и культурной памятью [Ассман 2004, с. 135].

Коллективным воспоминаниям сопутствует ностальгия – характерное для разных исторических периодов явление сожаления об ушедшем времени или потерянной родине. Причины, содержание и механизмы ностальгии – это поле интересов психологов, психиатров, философов и социологов. Анализируя европейское общество после окончания противостояния двух систем в 80–90-х гг.

XX в., П. Штомпка говорит о социальной природе ностальгии и связывает ее с биографией поколения, с его травмой перемен и идентичности (коллективной и индивидуальной) [Штомпка 2005, с. 160, 475, 484]. Ностальгия для него выступает в качестве мотора, преобразующего травму в новые составляющие культурной памяти социума. Понятие травмы однозначно коннотировано в русском языке как обязательно трагическое и болезненное, но в представляемом случае речь не идет о воспоминаниях людей, переживших трагедию войны, насилия или геноцида. Поколение, чье детство прошло в 60–80-х гг. XX в., родилось и жило в мирное время. Добавим к этому весьма специфическое информационное окружение советского народа: о катастрофах внутри страны население почти не знало, а мировые проблемы освещались, но не были в зоне личных интересов как большинства взрослых, так и детей. Продолжая логику П. Штомпки, для многих бывших советский людей травма перемен связана не с самим детством времен Брежнева (которое для многих было безоблачным), а с разрывом реальности в 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование. Для всех граждан встал вопрос экономического выживания, встраивания в новую политическую и общественную ситуацию и неизбежного пересмотра собственной идентичности.

Время разделилось на «до» и «после». Все тридцать лет, прошедшие после точки перелома, историки, социологи и культурологи пытаются дать картину существования советского человека. Исследователи описывают специфику бытования, изучают по документам и текстам разного рода особенности коммуникации внутри властного дискурса, жизнь для «своих» и другие принципы, организующие повседневность и ментальные привычки. На фоне теоретических работ, обращенных к свидетельствам, датируемым второй половиной XX в., интересно обратиться к источникам, которые создаются в последние годы, так как они являются результатом суммирования сохранившихся в личной и коллективной памяти образов и накапливающихся в обществе культурных значений.

Среди различных вариантов репрезентации советского в целом, детства в частности стоит выделить работу Евгении Двоскиной, советского и российского книжного иллюстратора, художника-графика, на чьем счету более тридцати иллюстрированных книг для детей и подростков. В ее рисунках серии «*#длятехктопомнит*», отсылающей к повседневным практикам советского детства, зрители безошибочно узнают визуальные приметы времени. Важно разобраться в том, каким образом происходит это узнавание, что именно является маркером и триггером, запускающими эмоциональный отклик и мгновенное реагирование. Будут ли визуальные

маркеры значимыми благодаря современным, вкладываемым сейчас смыслом, или же они будят что-то потаенное и давно забытое?

С 2015 г. Евгения Двоскина периодически выкладывает отдельные картинки с хэштегом *#длятехктопомнит* на страницах своих аккаунтов в Живом Журнале¹ и в Facebook², есть эти рисунки в ее коллекции в Яндекс Картинках. Основная целевая аудитория сетевых страниц – люди старшего возраста («45+»), в большинстве своем это жители больших городов, имеющие высшее образование. Каждый пост из этой серии порождает комментарии-воспоминания о личных и региональных особенностях изображенной ситуации. Читатели неизменно благодарят Евгению за рисунки, предлагают новые темы. В среднем на каждую картинку приходится около 650 лайков, 44 комментария и 65 перепостов. В серии на сегодняшний день существует не меньше 112 оригинальных изображений. Стиль рисунков серии «*#длятехктопомнит*» – черно-белая графика тушью, иногда с легким тонированием вторым цветом отдельных элементов рисунка. На самих картинках есть поясняющие подписи, и каждый пост в сети сопровождается текстом художницы. Иллюстрации не связаны последовательностью – это отдельные изображения. Нет общих узнаваемых персонажей и главного действующего лица. Часть рисунков была напечатана в трех наборах открыток: «Секретик» (2017), «Детское-советское: Фотография для бабушки» (2019) и «Детское-советское: Дорога в детский сад» (2019)³. Общее количество открыток – 62 штуки, но неповторяющихся в разных наборах – 52 изображения. Карточки в наборах не пронумерованы. Рисунки были представлена в двух выставках: летом 2017 г. в Комикс-центре в Российской государственной библиотеке для молодежи («Для тех, кто помнит»)⁴ и в августе 2019 г. в галерее «Сарай» Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме («Без ностальгии»)⁵. В конце апреля 2020 г. издательство «Речь» выпу-

---

¹ Аккаунт Е. Двоскиной в ЖЖ (edvoskina), тег «длятехктопомнит» <https://edvoskina.livejournal.com/tag/%D0%B4%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D1%82>

² Аккаунт Евгении Двоскиной в Facebook: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100001998902797>

³ Антибуки: <https://www.antibuki.ru/tag/postcards>

⁴ Анонс выставки [Электронный ресурс]. URL: https://rgub.ru/schedule/exhibition/item.php?new_id=5746 (дата обращения 24 июля 2020).

⁵ Анонс выставки [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg2.ru/events/vystavka-bez-nostalgii-166292.html#event-rating> (дата обращения 24 июля 2020).

стило книгу⁶, которая объединила большинство иллюстраций, дополненных текстами художницы.

Рисунки серии «#длятехктопомнит» Евгении Двоскиной как субъективная репрезентация визуального мира советского детства – это важный источник исследования повседневности и памяти о ней для историков, культурологов и антропологов. Это источник, который непрерывно верифицируется тысячами подписчиков и читателей, поэтому так важно ввести его в академическое пространство. Я бы не согласилась с П. Штомпка, что мотором работы памяти является исключительно ностальгия как сожаление и умиление прошлым. И рисунки серии очень хорошо это иллюстрируют. Евгения Двоскина подчеркивает, что ее рисунки не про грусть о потерянном мире. Еще в 2015 г. она поместила у себя на странице в Живом Журнале пост, который можно назвать манифестом рождающейся серии:

...множество сюжетов прошлой жизни осталось не нарисованными, не отрефлексированными, не названными. И я поняла, что мне хочется их вернуть. Безоценочно. Без ностальгии, умиления или проклятий. Как будто с натуры нарисовать... Рисую я то, что помню сама. И то, как это помню... В советском прошлом время застывало как янтарь и долго никуда не двигалось⁷.

В интервью 2019 г. в связи с выставкой в Санкт-Петербурге художница снова повторяет, что главный мотив рисования – не ностальгия (и название выставки соответствующее), а свидетельство «про боль и фрустрацию», «про ужасы и обиды детства»⁸.

Но, несмотря на все объяснения художницы, ее рисунки уже живут самостоятельной жизнью в публичном пространстве. И многие воспринимают их именно в ностальгическом ключе. В подборках ее рисунков у поклонников, в перепостах, в афишах выставок читается вполне определенная интонация. Вот только несколько примеров (выделения мои): «советское детство: *обал-*

---

⁶ Двоскина Е. «А Саша выйдет?»: Советское детство в историях и картинках. М.: Речь, 2020. 224 с.

⁷ Пост «Объяснительная» в ленте ЖЖ [Электронный ресурс]. URL: <https://edvoskina.livejournal.com/294676.html> (дата обращения 24 июля 2020).

⁸ Артеменко Г. О советском детстве – без ностальгии // MR7.ru мой район [Электронный ресурс]. URL: https://mr-7.ru/articles/206318/?fbclid=IwAR19yC-wvOgW0sHPrbdtCBYyxt9JXKDt_xeQ3lsMDQJk4XRWnf9k6BVVbk (дата обращения 24 июля 2020).

*денное, нежное, твоё»*⁹, «...просто родные и близкие многим по духу картинки, ...невольнo улыбаешься, вспоминая былые времена»¹⁰, «такого *щемящего чувства ностальгии и восторга* ... не испытывала очень давно»¹¹. Эти высказывания явно не про боль и про ужас. Если смотреть на серию как на один из продуктов ностальгии по советскому периоду, цель которых – формирование визуального образа времени, то работа Евгении Двоскиной выпадает из общего фона. В сети Интернет есть множество страниц о советском детстве с подборками старых фотографий и рисунков. В большинстве своем подобного рода проекты носят диаметрально отличающийся характер: либо полного отрицания¹² той жизни, либо его полного принятия¹³. Рисунки Евгении Двоскиной, при всей сюжетной узнаваемости, не публицистичны и имеют только одну ярко выраженную эмоцию – мягкую иронию, поэтому они позволяют задавать вопросы, сталкивая время и пространство, не пробуждая любовь или ненависть. Серия «*#длятехктопомнит*» представляет несомненный интерес своей неоднозначностью трактовок.

Работу по анализу рисунков можно сопоставить с анализом фотографий, применительно к которой хорошо разработаны методы визуальной социологии. Я опираюсь на рекомендации российских и зарубежных исследователей [Штомпка 2007; Гавришина 2011]: разделение разных уровней значений изображенного, учет роли и статуса зрителя, его возможной точки зрения и влияния личного опыта на интерпретацию увиденного. Все эти методики позволяют

⁹ Антибуки, 06.09.2019 <https://www.antibuki.ru/tag/postcards>

¹⁰ Из анонса выставки в галерее «Сарай» Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. 02.08 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg2.ru/events/vystavka-bez-nostalgii-166292.html#event-rating> (дата обращения 24 июля 2020).

¹¹ Екатерина Жегулова на сайте Ярмарки мастеров: <https://www.livemaster.ru/topic/3218032-article-nazad-v-proshloe-obraz-detstva-v-risunkah-evgenii-dvoskinoy>

¹² Миронова А. С ключом на шее: про наше «счастливое советское детство» // Газета.ru. 14.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10191659.shtml> (дата обращения 24 июля 2020).

¹³ Например, см.: Полуказакова Т. Пропуск в счастливое время: особенности советского детства. ТК «Звезда» [Электронный ресурс]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/qhistory/content/2020281629-jxkAQ.html> (дата обращения 24 июля 2020) или Раззаков Ф.И. Советское детство. М.: Алгоритм, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/fedor-razzakov/sovetskoe-detstvo/chitat-onlayn/> (дата обращения 24 июля 2020).

получить разнообразную информацию о восприятии и репрезентации советского времени с помощью рисунков. Первое, что необходимо вспомнить – это «сделанность» как фотографии [Гавришина 2011], так и рисунка и их обусловленность культурным контекстом. Как в фотографии, так и в «наброске с натуры» (а реально в «наброске по памяти») мы имеем дело с выбором автора – рамка кадра, высота линии горизонта (уровень глаз смотрящего), ракурс. Фотограф определяет время съемки, при котором объекты будут иметь разное освещение и, соответственно, разную видимость и значимость. Значимость для фотографа. Так и художник может не перечислять абсолютно все детали, а «осветить» только значимые, опять-таки для него. Также, как и в случае с фотографией, набросок не отражает реальность, а создает ее.

Реконструкции Евгенией Двоскиной визуального пространства городского ребенка в коллективной памяти поколения опираются как на ее личный опыт, так и на мифологемы о детстве в брежневский период, накопленные обществом к сегодняшнему дню. В случае исследуемой серии жизнь советского ребенка рисует взрослый, опираясь на современные воспоминания о своих детских ощущениях. Восприятие ребенка и взрослого различаются, восприятие, опосредованное знанием, – иное. Память о впечатлениях и состояниях в далеком прошлом не равна самим впечатлениям и состояниям. Евгения рисует советское детство, проверяя каждый рисунок на тех, кто это детство прожил в то время. Положительные отзывы и реплики читателей фиксируют точность деталей, накапливают и сохраняют базу визуальных маркеров. Например, такую роль играют пионерские галстуки, вид школьной формы, дверь с числом звонков больше одного. Коллективная память уже содержит перечень практик, ритуалов, привычек, которые исчезли из современной повседневной жизни, но известны по личному опыту, по советским детским фильмам или по иллюстрациям к рассказам о жизни советских школьников.

Интересно сравнить, как по-разному могут считываться книжная иллюстрация, выполненная в свое время, и современная иллюстрация к историческому периоду. На рисунки 60–80-х годов у зрителей не возникает чувство ностальгии по детским годам. Глядя на рисунки Е. Двоскиной, многие респонденты с удовольствием констатируют, что это про них. Здесь может быть несколько причин казуса разрыва идентичности. Во-первых, иллюстрации к литературным произведениям редко живут самостоятельной жизнью: текст задает смысловые и эмоциональные рамки восприятия, выстраивает дистанцию между рисунком и зрителем – это не про зрителя, это про Витю Малеева в школе и дома. Во-вторых, для разных десятилетий второй половины XX века визуально «совет-

ское» сильно различалось в деталях¹⁴ – изменялись фасоны одежды и дизайн мебели, появились новые бытовые приборы и исчезали старые. Вид транспортных средств и городской застройки создают отличающиеся ландшафты для 50-х и 70-х.

Евгения Двоскина визуализирует образ детства 60–70-х годов, который складывался из привычных повседневных практик, повторявшихся изо дня в день, из практически ритуальных действий с символически значимыми объектами социальной жизни, из набора сопутствующих механических и неосознаваемых движений тела. У всех процессов был и есть свой наблюдаемый рисунок распределенных в пространстве фигур и вещей, сопровождающийся характерными звуками и речевыми формулами. Особенности визуальной среды 60–80-х гг. XX в. запечатлены в рисунках очевидца того времени, но сделаны спустя пятьдесят лет. Анализ рисунков и текстов на рисунках, статистика сетевого реагирования позволят обнаружить способы визуализации эпохи, получить представление о типичном и особенном того времени в его сегодняшнем восприятии. Есть возможность понять, каким это визуальное пространство окажется зафиксированным в российской культурной памяти благодаря интеллектуальным и художественным усилиям поколения бывших советских детей.

Визуальное пространство – это суммарная совокупность субъективных образов, порождаемая восприятием окружающей среды человеком. Визуальную среду составляют все объекты, попадающие в зону зрения – лица и фигуры людей; мебель и другие предметы интерьера; общий вид частных и общественных помещений внутри и снаружи, природные и городские пейзажи. Особенностью личного восприятия является то, что для каждого индивида будет

---

¹⁴ Например, есть издания, на которых выросли многие из тех, кому сейчас к пятидесяти и старше, – повести Н. Носова с иллюстрациями А. Каневского, выполненными в начале 70-х гг. XX в., в которых художник подробно изобразил мир советского детства. На книгу как на целостный печатный продукт у представителей поколения однозначная реакция – «книга из детства», но сами рисунки, определяемые как «советские», не включают механизм самоидентификации. Причиной является одежда героев – мальчики носят старую школьную форму, которая в послевоенный период менялась трижды – в 1948, в 1962 и в 1973 гг. Форму с широким ремнем и фуражкой никто из рожденных в 60–70-х гг. не застал, а именно она на Вите и его одноклассниках на рисунках А. Каневского. Повести и рассказы Н. Носова написаны в 1947–1951 гг., поэтому иллюстрации отображают реальность, которая уже тогда визуальна была чужой для детей 60–70-х, поэтому и сегодня не вызывает ностальгического отклика.

свой собственный выбор фокусировки и распределения «фигуры и фона». Какие-то объекты будут для человека значимы, поэтому всегда будут находиться под вниманием смотрящего. А какие-то столь несущественны для его интересов, что будут буквально исчезать, окажутся невидимыми, даже если их прямое наблюдение ничем не затруднено. Эта выборочность видения зависит от возраста, образования, гендера и многих других социальных характеристик. Поэтому, когда делаются попытки реконструкции визуального пространства не отдельного человека, а какой-либо конкретной социальной группы (то есть совершается переход от индивидуального и неповторимого восприятия к восприятию групповому и типичному), понятно, сколь условна и ограничена эта картина в своей корректности. Тем более проблематичен анализ групп и событий, удаленных по времени. В зависимости от aberrаций памяти, от значимости в прошлом, от значимости для нас сегодняшних будет неизбежным искажение реальных масштабов визуальных объектов, их состава, свойств и распределения.

Наблюдаемый мир можно уподобить сфере, в центре которой находится зритель, а на поверхность проецируются изображения окружающей среды. И чем дальше от центра сферы объект, тем меньше шансов различить его и обнаружить среди картинок визуального планетария. Но и то, что рядом, может отсутствовать в изобразительном ряду. И причины могут быть разными. Например, вещь рядовая, понятная, но прямо сейчас не актуальная. Скорее всего, ее не будет в зоне осознанного видения. Все неясное, чужое, но без маркеров опасности и угрозы также будет проигнорировано, особенно если встречается не первый раз. Незамечаемые предметы будут фоном, единым цветовым пятном по сравнению с выделяемыми и значимыми объектами. Поэтому предполагаю, что все, что нарисовано – все в поле зрения, все знакомо, все увидено, осмыслено и значимо. Визуальное пространство ребенка, независимо от времени и места его проживания, – это окружающий его мир ближнего и дальнего круга, своих и чужих, тех, кому можно доверять, и тех, кого надо опасаться. В большинстве своем на рисунках серии изображен мир близкий и понятный, в котором повседневные действия наполняют привычные места почти ритуальным значением. Рисунки серии позволяют создать представление о зонах публичного и приватного, их характерных особенностях, границах и масштабах. Какая среда окружает ребенка по плотности заполнения вещами, по объемам и фактурам? Как выглядят домочадцы и посторонние взрослые?

Язык Двоскиной лаконичен до предела. Лишнего в кадр ничего не попадает, только ключевое и характерное для ситуации. Графическая манера художницы делает практически невозможным разговор

о цвете окружения, но градации тона тоже могут быть весьма информативными. Собственно, все нарисованное находится в шаговой доступности: квартира, дом, двор, соседние пустыри и гаражи, ближайши́е улицы и магазины, детский сад и школа. По рисункам можно воссоздать интерьер жилых комнат квартиры и мест общего пользования. Характерные очертания мебели, посуда и бытовые предметы, электрические приборы, инструменты – все это создает узнаваемую среду 60-х или 80-х, так как внешний вид этих вещей зависим от моды: округлые формы сменяются прямоугольными, что, конечно, не может быть не замеченным. Рисунки позволяют выйти на лестничную площадку подъезда: повороты лестниц, на единственном рисунке кнопки звонков в ряд у одной двери – коммуналка, но в паре рисунок с одним единственным звонком – жизнь без соседей. Сюжет со сбором макулатуры иллюстрирует не только саму процедуру, но и демонстрирует одну из мифологем о советских гражданах как о некоей общности безопасной коммуникации: нормой жизни была возможность ходить детям по чужим подъездам и звонить в любые двери.

Свои и близкие территории – это не синоним личного пространства, частного пространства ребенка. Что можно считать территорией личного пространства советского ребенка? Очевидно, что квартира и двор, хоть и воспринимаются как свои территории, но являются местами коллективного пользования. Объем личного места у советского городского ребенка и по картинкам, и по факту часто ограничивался собственной кроватью и стулом, некоторой частью комнаты. «Роскошь», когда есть своя отдельная комната – на картинках такого счастья нет. Где же все-таки можно ребенку провести время наедине с собой, своими мыслями, со своим внутренним миром? Если в квартире, то на подоконнике, в халабуде, на своей кровати, в ванной комнате, наконец. Ванная комната – один из самых важных островов приватности, может быть, поэтому такая подробность рисунка и столько внимания (рис. 1). В иллюстрациях Двоскиной обращает внимание отсутствие захламленности игрушками (на все сто картинок найдется пара плюшевых мишек), нет иллюстраций ролевых игр с предметной средой – нет кукол, кукольной посуды и мебели, машинок, конструкторов, парикмахерских и докторских наборов. На рисунках практически нет взрослых ближнего круга, в дневной картинке ребенка домашние не фигурируют, они где-то далеко. Не видно пап, нет ни одного деда – их, вероятно, или нет совсем, или они на работе, или совсем не участвуют в жизни ребенка. С большой вероятностью изображенные бабушки – это гостевой вариант общения, поэтому и нарисованы как особый и запоминающийся случай. Мир близких домашних в рисунках говорит скорее о том, что ребенку не хватает общения

когда разговоры
по телефону ...

с родными. Трудовое законодательство Советского Союза требовало обязательной занятости взрослого населения, что иллюстрации и подтверждают.

До возраста самостоятельных перемещений по городу пространство ребенка ограничивалось микрорайонной школой, квартирой и двором. Двор в поколенческой ностальгии занимает особое место – это все та же идея дружеского сообщества и зона безопасного взросления. Уличные групповые игры представлены максимально полно – для художницы и ее читателей явно любимая тема – больше тридцати рисунков, всегда бурная реакция сети. Здесь много чего происходило, есть что вспомнить и что рисовать. Двор – это навсегда: от самого младшего возраста до настоящей взрослости, двор для мальчиков и девочек, вместе и поврозь. Вглядываясь в разнообразные совместные игры, задаешься вопросом:

а каково было быть тем, кто не любил играть всей кучей. И как занять себя, когда по какой-то причине нет рядом дворовой команды. Коллективных игр много, дружба не нарисована нигде. Общественные детские пространства (двор, сад, школа, лагерь), по рисункам Евгении Двоскиной, – это пространства активной детской коммуникации, самоутверждения и регламентации. За иронией, которой здесь много, прячутся будни существования в детском коллективе. И, конечно, многочисленные командные дворовые игры на рисунках свидетельствуют о наличии у городских детей большого количества неструктурированного времени и отсутствия прямого взрослого контроля (рис. 2). Проблемы взаимоотношений с командами чужих дворов в иллюстрациях отсутствуют, так как это в большей мере характерно для подросткового возраста, когда уже началась дифференциация по социальному статусу. Для кого-то жизнь продолжалась во дворе, а для кого-то – уже за его пределами, в различных образовательных и культурных учреждениях.

Какие образы детства можно маркировать как школьные? Главный признак – наличие школьной формы или школьного портфеля –

знаков перехода из частного мира в область публичного с помощью переодевания героя. Начинается этот мир не с вешалки школьного гардероба, а дома. Регулярные действия подготовки к школе накрепко связаны с территорией квартиры, но делались вынужденно и являются знаками оккупации школой домашнего пространства: туго заплетенная коса, агрессивный красный цвет выглаженного пионерского галстука и чистые белые манжеты и воротничок, пришитые к школьной форме поздним воскресным вечером (рис. 3).

Сама школа в коллективной памяти и в рисунках не выглядит как место учебы и источник знаний: нет изображений школьных уроков, тетрадок и учебников, добрых или противных учителей, шумных перемен, нет домашних бдений над уроками. Учебы нет ни в школе, ни дома, единственное исключение – уроки физкультуры, но фигуры учителя там тоже нет. Зато в иллюстрациях Евгении Двоскиной есть несколько сюжетов, связанных с медицинскими практиками, по картинкам получается странное смещение: школа – это место, где царит медицина. Советский ребенок школьного возраста действительно часто имел дело с врачами и медсестрами

в школе – школьные медики делали прививки, лечили зубы, проводили диспансеризацию, выдавали справки для пионерского лагеря. По картинкам, вся эмоциональная и интеллектуальная жизнь ребенка проходит вне учебного расписания, во второй половине дня школа воспринимается как место, где можно было общаться со сверстниками. И только форма сигнализирует, что эти действия имеют косвенное отношение к образовательному учреждению. Радикально отличаются по настроению и изображению дороги в школу и дороги из школы домой: преодоление и тревога в одну сторону, путь познания и общения – в другую. У работающих родителей не было возможности приводить и отводить младших школьников в школу и обратно, поэтому учились обычно в школах шаговой доступности. Дорога домой для советских детей являлась очень важным временем самостоятельного накопления личного опыта, исследования окружающего мира и коммуникации: вместо положенных десяти минут в разговорах с одноклассниками можно было идти домой больше часа.

Из рисунков Евгении Двоскиной следует, что красот города ребенок еще не замечает. На них – нависающие массивы жилья из сросшихся в единое целое коробок домов, темные пролеты арок, ограды – городская среда отсутствует как таковая. Практически нет общественного и личного транспорта, нет и города в окне городского транспорта. Внедворовая жизнь, пространство дальнего порядка (детская «заграница») – это магазины и места отдыха (кафе, курорты, пляжи)¹⁵. На этой территории появляются чужие взрослые – все несимпатичные, общение с ними представляет угрозу и опасность. Взрослые – это серая мрачная масса очереди, зубная боль, волшебница из самолета с леденцами и источник покупки чего-то вкусного, обычно жидкого. Из профессий и социальных ролей представлены стоматолог, стюардесса, продавцы, пассажиры и покупатели. Нет учителей и педагогов, нет водителей, да никого, по большому счету, из мира профессий нет, т. е. набор характерных визуальных образов весьма ограничен.

Самые яркие впечатления о другой форме коллективного существования детей – пионерском лагере – связаны с ночными проделками, обязательными для любой смены в лагере. Пионерский лагерь в детском летнем расписании – это свидетельство отсутствия бабушек в деревне, дачи и неработающих летом родственников (пенсионеров, творческих или педагогических работников).

---

¹⁵ Удивительно, но во всех сюжетах, связанных с покупками и магазинами, ребенок имеет дело с напитками – с квасом, газировкой, молочным коктейлем, соком и молоком.

Ребенка надо вывести за город, лагерь – единственный способ не оставлять его без присмотра в пустом городе на целые дни.

На общем фоне в серии совсем немного сцен, связанных с садиком, но они тоже показательны и узнаваемы. Дорога в садик темным зимним утром – бесформенный замотанный и перевязанный кулек на санках. Второй сюжет, который не могу не упомянуть – «шкафчик с картинкой в предбаннике группы». В отличие от будущей жизни в школе, у дошкольника в саду была своя индивидуальная территория – узкий шкафчик для одежды с ягодкой или цветочком на картинке (тема для споров, чья картинка лучше), то есть опять видим поиск своего и личного.

А как выглядит сам ребенок и его сверстники? Есть ли здесь свидетельства «счастливого советского детства»? Рисунки Евгении Двоскиной очень легкие по манере, поэтому первое впечатление от них радостное и светлое, но более тщательное рассматривание порождает ощущение потерянности многих героев. Глядя на большинство персонажей, не скажешь, что детям совсем плохо, но и назвать их счастливыми, умиротворенными, спокойными или веселыми тоже не получается. Если сравнивать с подборками визуальных сетевых материалов с хэштегом «счастливое советское детство», то будет заметна разница в выражении лиц – на всех фотографиях и рисунках под лозунгом «Назад в СССР!»¹⁶ дети и взрослые улыбаются, они запечатлены в счастливые моменты жизни, а не в ситуациях трудностей или болезни. А у художницы много рисунков на тему болезни: простуда – частое событие в жизни ребенка. Понятно, как должен выглядеть больной, чтобы все его жалели, узнаваемы и способы домашнего лечения (рис. 4). Отдельно стоит обратить внимание на детскую одежду: бедные дошкольники Евгении Двоскиной путаются в своих колготах, рейтузах и кусачих свитерах, да и у школьников вид не лучше.

Эта совокупность очень разных по действиям сцен показывает часто напряженного, сосредоточенного, непрерывно погруженного в социум человека, у которого не так много способов побыть с самим собой. Даже на летнем отдыхе, вдали от двора или школы ребенка окружает мир, полный забот и трудностей. В серии нет рисунков, на которых ребенок занимался бы музыкой, рисовал или возился с домашними животными, нет изображений, на которых ребенок ест

---

¹⁶ Например, см.: Счастливое советское детство // Назад в СССР [Электронный ресурс]. URL: https://back-in-ussr.com/2015/04/schastlivoe-sovetskoe-detstvo_3.html (дата обращения 24 июля 2020) или Вытирая слезы: каким было детство в СССР // SMNEWS social media news/ 26 августа 201913:49 [Электронный ресурс]. URL: <https://sm-news.ru/vytiraya-slezy-kakim-bylo-detstvo-v-sssr-39529/> (дата обращения 24 июля 2020).

(в школьной столовой или дома)¹⁷. Возникает предположение, что дети на рисунках не брызжут радостью, не потому что советские реалии делают их такими. Это нормальное состояние взрослеющего и думающего ребенка для любого исторического времени. Ему плохо без родных и близких, взрослеть самому всегда трудно.

Почему же поколение «советских» однозначно реагирует на эту серию рисунков Евгении Двоскиной как на изображение именно его детства? Если какие-то детские городские повседневные практики универсальны, что маркирует пространство иллюстраций именно как советское? Часто люди видят лишь то, что хотят видеть: и в реальности, и в воспоминаниях, сублимируют образы и голоса времени в набор хорошо упакованных мифов, из которых следует, что советское детство – это двор, коллективные игры, форма, галстук, сбор макулатуры. Конечно, определенными маркерами времени являются мебель и вещный мир, мешковатость одежды, насуспенный вид ребенка, галстуки и ненавистная форма. Сейчас спустя годы многим кажется, что именно так это и выглядело, именно в такой визуальной среде все и находились. Свидетельствует об ушедшем времени набор игр, названия которых многие современные дети даже не слышали, и сам факт возможности длительного нахождения в городской среде, хоть и в пределах двора, но не под непрерывным

¹⁷ Вероятно, здесь были бы другие выражения лиц, но это внеисторические занятия, на которых трудно изобразить «советскость» не только с помощью деталей интерьера.

надзором взрослых. Жизнь во дворе и большое количество групповых игр отсылает к специфике организации досуга советского ребенка: было много свободного времени, которое надо было заполнить самостоятельно коллективу детей, случайно оказавшихся вместе из-за проживания в соседних домах. Евгения Двоскина не романтизирует, но и не демонизирует эти обстоятельства, что свойственно большому количеству эмоционально высказывающихся авторов¹⁸. Заслуга художницы в том, что ее визуализации, внешне простые, оказываются многослойными по содержанию.

Узнаваемость сцен советского детства связана с композиционными и графическими решениями художника. Рисунки выдержаны в стилистике требований советской иллюстрации. В них нет сложных ракурсов, нет вылета фигур за рамку кадра, все фигуры целостны, нет гипертрофированных пропорций или размеров отдельных частей тела. Точка зрения соответствует или виду из окна, или росту маленького зрителя. Зрители сразу оказываются сами маленькими и внутри сцены, которую рассматривают, они легко начинают чувствовать себя участниками действия. Подсознание включает сразу два слоя узнавания – эти рисунки похожи на иллюстрации из книжек детства, эти рисунки про собственное детство. Черно-белая графика рисунков – стиль, характерный для художницы, – здесь также может работать на более полное включение в атмосферу времени. Монохромный рисунок не ограничивает воспоминания и фантазию зрителей, а позволяет наделять все вещи цветами, соответствующими цветам собственных вещей. Кто-то вспомнит свое красное платье в белый горошек, а кто-то – белое в красный. Помимо этого, рассматривание черно-белых рисунков сродни разглядыванию черно-белых фотографий – основному типу любительской продукции того времени.

Знание природы и художественное мастерство позволяют художнику давать точные поведенческие характеристики своим героям, поэтому память тела смотрящего, его эмпатические моторные реакции на позы и выражения лиц заставляют зрителя мгновенно отреагировать и запустить каскад телесных воспоминаний. Включается не только тактильная (многие игры требуют прикосновений), но и звуковая память – детские игры сопровождаются организующими речевыми формулами. Все, кто хоть раз играл, автоматически начинает вспоминать «море замри», «бояре, а мы к вам пришли», «я садовником родился» и т. д. Рисунки содержат подобного рода надписи-напоминания. Изображение точно выбранной художником конкретной сцены в сочетании с поясняющим ее текстом темпоральны

---

¹⁸ *Миронова А.* Указ. соч.

для тех, кто знает правила и последовательность действий в игре, для тех, кто каждый день совершал рутинные действия из школьной или домашней жизни. Глядя на иллюстрацию, такой зритель может рассказать, что было до запечатленного момента, что будет после, то есть включает свой собственный опыт детства и готовность воспринимать нарисованное как личный нарратив и протяженную во времени историю. Надо отметить, что в книге «А Саша выйдет?» эта мультимодальность восприятия потеряна из-за разделения текста и иллюстраций на разные полосы. Они теперь все время меняются функциями: текст как пояснение к рисунку или иллюстрация как дополнение к тексту, – есть либо чтение, либо рассматривание. Подписи на рисунках вычищены, поэтому эффекта одновременно схватывания текста-рисунка нет, многоголосие пропадает, есть только голос автора (взрослого). Зритель больше не кричит мысленно «Штандер!» и «Пора, не пора...», он теперь про это читает.

В серии «#длятехктопомнит» Евгении Двоскиной одновременно работает несколько факторов, способствующих точной визуализации времени и его неперемного узнавания бывшими советскими людьми: это наличие символических маркеров советской идеологии; историческая специфичность сюжета; соответствие вида вещей и интерьеров изображаемому времени; выбор сцен, являющихся моментом действий, известных представителям поколения; графическая точность поз и движений, запускающая тактильную и телесную память; использование текстовых дополнений, включающих вербальную и акустическую память. Если следовать классификации ностальгии, данной С. Бойм, то в случае с серией «#длятехктопомнит» мы имеем дело с ее вторым процессуальным типом, для которого характерно якорение памяти, а не воссоздание прошедшего. «Ирония и остранение не чуждо ностальгии второго типа. Если тотальная ностальгия предпочитает визуальные изображения и символы, ироническая ностальгия опирается на повествования, которые выявляют противоречивое отношение к прошлому» [Бойм 1999]. Работа Евгении Двоскиной – важный для культурологического исследования источник, в котором задействованы разнообразные средства визуализации, дающие сложный, многогранный образ повседневности советского детства брежневского периода.

Литература

Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

- Бойм С. 1999 – *Бойм С.* Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html> (дата обращения 24 июля 2020).
- Гавришина 2011 – *Гавришина О.В.* Империя света: Фотография как визуальная практика эпохи «современности». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.
- Штомпка 2005 – *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
- Штомпка 2007 – *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: Учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой; Авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

References

- Assmann, Ya. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i identichnost' v vysokikh kul'turakh* [Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination], Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia.
- Boym, S. (1999), "The end of nostalgia? Art and cultural memory of the end of the century: the Case of Ilya Kabakov", *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 5, available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html> (Accessed 24 July 2020)
- Gavrishina, O.V. (2011), *Imperiya sveta. Fotografiya kak vizualnaya praktika ehpoi sovremenosti* [Empire of light. Photography as a visual practice of the era of "modernity"], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Shtompka, P. (2005), *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Society analysis], Logos, Moscow, Russia.
- Shtompka, P. (2007), *Vizual'naya sociologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya: ucheb-nik* [Visual sociology. Photography as a research method], Logos, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Жанна В. Уманская, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zh.umanskaya@mail.ru

Information about the author

Zhanna V. Umanskaya, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zh.umanskaya@mail.ru